

И снова в бой. В мирные дни

Мы, испанские летчики, вместе с советскими людьми с огромной радостью встретили День Победы. Как и все солдаты, мы вернулись на заводы и фабрики, в колхозы и совхозы и занялись мирным трудом по восстановлению народного хозяйства страны.

Хесус Ривас, наш авиационный механик, воевавший в партизанском отряде, был направлен на учебу в военную академию в Ленинграде.

...В тот день было воскресенье. С Балтики дул легкий бриз. Услышав бой часов, Хесус Ривас почувствовал себя «не в своей тарелке». Он явно волновался, шагая по набережной Невы.

— Нет, это, конечно, не для меня, — тихо говорил он сам себе, как тогда, оказавшись в белорусском лесу. — Все разрушено войной, а я... должен учиться. Какая ирония судьбы!

На следующий день, в понедельник, Ривас не пошел на учебу, а направился в свою партийную организацию.

— Что с тобой, Ривас? — спросили его товарищи, когда он переступил порог комнаты. — Уж не болен ли ты? Или что случилось? Почему так рано?

— Нет, ничего не случилось, чувствую себя я сносно...

— У тебя такое расстроенное лицо... Мы подумали...

— Я больше не пойду в академию! — решительно заявил он секретарю парторганизации.

— А что же ты хочешь делать?

— Работать! На завод, в колхоз — куда хотите! Хочу работать! А учиться буду потом, когда все будет восстановлено... Если еще останется время...

— Ну что ж, как хочешь, но имей в виду: учеба — это партийное поручение, а ты от него отказываешься!

— Нет, я не отказываюсь. Я просто не могу, не могу! Я хочу сейчас работать.

Товарищи поняли состояние Риваса и пошли ему навстречу. Ривас стал работать по своей специальности — на аэродроме, в мастерских по ремонту самолетов. Мастерскими их в то время и назвать нельзя было. Это было полуразрушенное здание, похожее на длинный барак. Придя туда в первый раз, он увидел поломанные станки, порванные трансмиссии к станкам, разбитые шкафчики без инструмента.

— Что это такое? — спросил Ривас сопровождавшего его товарища.

— Это?... Это ремонтные мастерские, которыми ты будешь руководить.

Однако, несмотря на запущенность, беспорядок и выведенное из строя оборудование, Ривас был несказанно рад. Ему хотелось все потрогать своими руками, положить на место, починить. Ведь его золотые руки мастера так истосковались по настоящему делу!

— Сколько, по-твоему, понадобится времени, чтобы все здесь заработало? — спросил Риваса сопровождавший его товарищ.

— Посмотрим!.. Посмотрим!..

— Ты ведь в партизанах начинал на голом месте.

— В партизанах — да, но тогда шла война...

— Сейчас тоже идет битва за производство!

— Посмотрим, посмотрим! Битва так битва! — ответил Хесус Ривас.

Ривас быстро привел мастерские в порядок. Любая работа кипела в его руках. Целыми днями, а то и ночами не покидал он мастерские. Через несколько месяцев под его началом работало несколько десятков человек. Они стали перевыполнять план. Мастерские завоевали в соревновании переходящее Красное знамя. Однако Ривасу казалось, что он сделал еще не все, что необходимо сделать больше.

Через несколько лет после войны Хесус Ривас женился. Здесь, в Ленинграде, у них родился сын Роберто. Сейчас Роберто уже вырос и стал артистом.

Так шли годы. В последний раз мы встретились с Ривасом в июле 1974 года в Ленинграде, когда Хесус Ривас был уже на пенсии. На летней дачке под Ленинградом мы нашли его в небольшой мастерской. Даже уйдя на пенсию, Ривас не в силах был оторваться от любимого дела и что-то мастерил.

— Кто говорил мне в самом начале войны, что мы видимся в последний раз? — весело спросил меня Ривас, вспоминая далекие дни.

Несколько месяцев спустя, в декабре того же года, перестало биться мужественное сердце нашего дорогого друга и товарища Хесуса Риваса Консехо. Он умер в возрасте шестидесяти четырех лет. Все свои силы и способности он отдал делу защиты и укрепления своей новой родины — Советского Союза.